18 ЯНВ 1980

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

беседы о мастерстве

Имя солиста Большого театра Союза ССР народного артиста СССР Александра Павловича Огнивцева широко известно. Образы, созданные им в произведениях классического и современного репертуара, украшают сокровищницу советского театрального искусства, снискали любовь зрителей. Сегодня наш корреспондент Ю. Беспалов беседует с А. П. Огнивцевым о проблемах мастерства оперного артиста.

Александр ОГНИВЦЕВ

ОСМЫСЛИВАЯ ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

— Уже много лет вы выступаете в качестве солиста Большого театра. Читатели газеты хотели бы, чтобы вы рассказали о том, как вы стали певцом, как подбирали ключи к секретам мастерства, как открывали тайны непознанных в искусстве дорог?

— Судьба благосклонно отнеслась ко мне — за время моей работы в Большом театре я спел почти все партии басового репертуара, в моем концертном багаже накопилось сейчас около пятисот различных произведений... А началось все с того памятного дня, когда Семен Михайлович Буденный, наш легендарный герой гражданской войны, после концерта (дело было в Кишиневе, где я учился в консерватории) сказал: «Поезжайте-ка в Москву, там есть прекрасные педагоги, которые из вашего голоса сделают толк». И действительно, великая русская певица Антонина Васильевна Неждановa и главный дирижер Большого театра Союза ССР Николай Семенович Голованов, в чьи руки я попал через год, не жалели ни сил, ни времени, чтобы ввести меня в большое искусство. Закончив за год два последних курса консерватории, я поступил в Большой театр Союза ССР. В то время здесь блистали Пирогов, Шпиллер, Борисенко, Козловский, Лемешев... Эти мастера бережно и чутко относились к русской классике, народным песням, к традициям советской и русской вокальной школы. Их отличали величайшая скромность, трудолюбие, душевная щедрость... Общение с ними мне всегда доставляло огромную радость.

Большой театр стал для меня вторым домом, а сцена его — тем святым местом, где мне посчастливилось творить, в полной мере сознавая всю ответственность перед делом всей моей жизни. Николай Семенович Голованов, занимаясь со мной, сумел доказать мне, что в моих силах решать сложные сценические задачи. Мы начали с ним репетировать Досифея в «Хованщине», и спустя некоторое время состоялся мой дебют.

Помню, перед выходом на сцену я стоял за кулисами ни жив, ни мертв, не зная, куда девать посох. Услышал ласковый голос Антонины Васильевны Неждановой: «Пора, Саша!» Как только вышел на сцену — страх куда-то исчез, увидел ободряющий кивок Голованова, стоявшего за дирижерским пультом, его спокойное лицо... За эту работу мне присудили Государственную премию СССР. Конечно, это была большая радость и большая удача. Я понял, что смогу одолеть и Мефистофеля, и Годунова, и Дона Базилио... Разумеется, эти и другие партии, над которыми я работаю и поныне, явились результатом поисков, сомнений, кропотливого, повседневного труда. Размышляя о том, как достичь максимальной художественной достоверности, выразительности каждого штриха в создаваемом мной образе, я всякий раз чувствовал потребность более глубокого изучения опыта предшественников, освоения их «секретов» в показе богатства человеческих характеров, в постижении духовной жизни людей. Творения великих художников прошлого были для меня большой, незаменимой школой.

Я часто обращался к творчеству Шаляпина, анализировал сущность воздействия его таланта, его поисков на разные виды искусства, учился у него любить и понимать русскую музыку. Хотя певец и прославил свою Родину прежде всего превосходным исполнением оперных партий, все же у истоков его творчества была русская народная песня. Она притягивала его к себе в самые радостные и самые горестные минуты жизни. Записанные Федором Ивановичем народные песни останутся классическим образцом творческого и в то же время бережно-трепетного обращения с фольклором. Его подвижническое отношение к искусству всегда импонировало мне, вселяло надежду, веру в успех. Вспомните его титаническую работу над партиями Демона, Мефистофеля, Годунова... И не случайно его герои поражали всегда эмоциональной сочностью, достоверностью, пластичностью. У него я нашел и редкостное умение передавать тончайшие нюансы внутренней жизни человека при сохранении удивительной жизненной конкретности, зрительной осязаемости образа. Творческие заветы Шаляпина, Мусоргского, Рахманинова и других гениев земли русской плодотворны и сегодня.

Постижение человеческого характера — задача увлекательная и сложная. Она требует от нас пристального внимания к тому, как проявятся те или иные качества личности в различных жизненных ситуациях. С такими критериями я подходил, например, к работе над образом Бориса Годунова в одноименной опере Мусоргского. Мне хотелось внести в мою любимую роль больше неожиданных эмоциональных контрастов, психологической достоверности — создать образ и властного самодержца, и несчастного страдальца, истерзанного тяжкими душевными муками, и нежного, любящего отца. Важно было также донести до слушателя и подлинно трагедийную силу образа, и высокую правду чувств, и драматическую экспрессию, и искусство утонченной и правдивой декламации.

Без большого простора личной инициативы, индивидуальных наклонностей, работы мысли и фантазии вряд ли удалось достигнуть сколь-нибудь ощутимых результатов. Я и поныне тяготею к классике, потому что она несет в себе огромные ценности и морально-этического, и социального характера. Она вызвала к жизни поистине новаторские по своей природе творческие явления, определила многие завоевания нашей художественной культуры. Я отдал ей годы напряженного труда и отчетливо ощущаю, сколь высокие требования она предъявляет к уровню мастерства, идейной зрелости того, кто к ней прикасается.

В работе над ролью я стараюсь лучше изучить и понять социально-психологическую атмосферу той эпохи, в которую предстоит вживаться, делать акценты на тех положениях, которые не потеряют своей ценности во времени и через годы могут быть близки и понятны современникам. Кроме того, моя профессия требует сосредоточенности, целенаправленности в поиске. Всякая разбросанность, верхоглядство, суета ей просто противопоказаны. Любое выступление — это итог всего продуманного, прочувствованного, пережитого. Выходя на сцену, начинаешь все сначала, и получается, что жизнь становится вечным экзаменом, а ты — вечным учеником.

— Натура художника сложна. Ему мало отточенности и многообразия навыков, мало даже самого богатого и самого разностороннего опыта...

— Потому что ему слишком хорошо известно, что качество работы больше всего, пожалуй, зависит от душевного настроя, от того, в ударе ты нынче или, напротив, у тебя сегодня все валится из рук. «Вынашиваю мысль,— писал Михаил Пришвин,— о священном порядке в душе творца, каким является в какой-то мере каждый работник, мастер своего дела. Этот священный порядок повелевает мастеру поставить все предметы на свои места, а также и определиться самому в служении и отделаться от прислуживания. Требуется достоинство и больше ничего». Я люблю повторять эту полюбившуюся мысль, потому что, вспоминая великих людей, с кем встречался, с кем бок о бок работал, прихожу к убеждению: они обладали несомненным чувством достоинства. Слово «священный», по-моему, здесь особенно уместно, ибо хорошо передает то трепетное и чистое чувство в отношении своей работы, без которого нет и быть не может настоящего мастера. Об этом священном порядке надо постоянно помнить и постоянно заботиться. Его, если хотите, надо неизменно растить в себе, оберегать, культивировать. Я знал и знаю способных людей, которые так и не стали хорошими артистами именно потому, что не воспитали в себе достоинство личности.

И вот еще в чем я глубоко убежден. Подлинного мастера отличает не только высокий профессионализм, но и умение видеть мир, трактовать его с позиций гражданственности, современности.

— В вашем огромном концертном репертуаре можно найти музыку самых разных эпох, масштабов, жанров, стилей. Есть даже вещи, которые не имеют исполнительских традиций...

— Раскрывая сущность любой вокальной миниатюры, я стремлюсь избежать исполнительских штампов в произведениях популярных и в то же время познакомить слушателей с новыми или незаслуженно забытыми романсами и песнями. Мне близки и дороги традиции широкого музыкального просветительства, столь органичные для русской вокальной школы. Со многими произведениями русских и советских композиторов я познакомил любителей пения в десятках больших и малых городов страны. Да и за рубежом шедевры русской национальной культуры воспринимаются с большим вниманием и заинтересованностью. Недавно я вернулся из гастрольной поездки по США и Англии. 23 концерта было дано нами в крупнейших концертных залах— мы (в гастролях участвовали певцы Нина Лебедева и Константин Лисовский) выступали вместе с оркестром русских народных инструментов Всесоюзного радио и Центрального телевидения под управлением Николая Некрасова. И дело не в успехе, аншлагах и доброжелательности критики, а в том, что тысячам и тысячам слушателей русская музыка впервые открылась в своей первозданности и красоте. Оказалось, за рубежом очень мало знают о достижениях русской музыки, не слышали многих и многих произведений, созданных гением нашего народа. Я пел почти ежедневно, ужасно устал, но зато получил громадное творческое удовлетворение от того, что внес свой вклад в пропаганду нашей отечественной культуры.

— Размышляя о достижениях в оперном искусстве мастеров среднего и старшего поколения, приходишь к мысли: значительность творческих успехов всегда связана с новыми поисками.

— Бесспорно. Сказанное особенно касается масштабов и глубины постижения процессов общественной жизни, воплощения на сцене образа нашего современника. Однако далеко не все современные спектакли становятся событием, значительным фактом духовной жизни общества. Я лично давно мечтаю о создании глубоких и сложных характеров, постигая которые можно было бы сказать о нашем времени нечто важное и необходимое. Но назовите мне оперы на современный сюжет, которые шли бы в Большом театре и радовали публику так же, как «Борис Годунов» или «Евгений Онегин»? Кстати, наш репертуар за последние годы буквально лихорадит. Не идут вовсе или появляются от случая к случаю такие шедевры оперного искусства, как «Псковитянка», «Демон», «Сказка о царе Салтане», «Декабристы», «Война и мир», — всех не перечесть! Вместо них появились всевозможные камерные спектакли, постановка которых никак не соответствует первой сцене страны. Да и молодежи нашей в них себя проявить сложно, а порой и невозможно. Не случайно на VI съезде композиторов шел разговор о том, что современная тема до сих пор еще не получила достаточно широкого воплощения на нашей оперной сцене, хотя расширение жанровых границ оперного искусства — процесс вполне естественный, определяемый самой жизнью.

— Ваши симпатии к мастерству молодых талантов общеизвестны. Скажите, Александр Павлович, какие процессы в сегодняшнем творчестве молодежи заслуживают особо пристального внимания?

— Молодежь наша многое может сделать и уже сделала в борьбе со штампами, рутиной, которые иногда проглядывают то здесь, то там. Но симпатии вовсе не предполагают ликования по поводу того, что поиски их порой относятся больше к формальной стороне оперного дела, чем к сути и содержанию. Не принимать рутину и штампы — плодотворно. Однако одно лишь неприятие как таковое не может породить серьезную художественную концепцию, художественное решение. Породить его может только попытка понять и осмыслить суть жизненных процессов.

В принципе я считаю, что всякий талантливый певец — а только такие и должны работать в Большом театре — может за два-три сезона стать мастером, потому что ему созданы все условия. За истекший год 22 певца у нас введены на ведущие оперные партии! Только дерзай и твори. Если в театре высочайший художественный уровень, единая гражданская, творческая программа, здоровые и ясные этические начала, проблемы молодежи не существует вовсе. Движение вперед немыслимо без борьбы с недостатками, с представлениями, которые устаревают. Так что тут нет никакого противоречия. Остается лишь пожелать молодежи побольше работать и поменьше думать о лаврах, которые без пота всегда будут казаться неполноценными.